

Миссия: Дилетант

ЗАБЫТАЯ ЛЕГЕНДА ОЛЪХОНА

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

Миссия: Дилетант Миссия: Дилетант Миссия: Д

18+

Миссия Дилетант

Юлия Ефимова

Забытая легенда Ольхона

«Автор»

2022

Ефимова Ю.

Забытая легенда Ольхона / Ю. Ефимова — «Автор»,
2022 — (Миссия Дилетант)

ISBN 978-5-532-92375-1

Детективное агентство «Дилетант», где правильно подобранные люди могут распутать практически любое преступление, берется за самые запутанные дела. В этот раз им придётся распутать серию ритуальных убийств, происходящих на острове Ольхон, самом крупном острове озера Байкал. Однако Зине, хозяйке агентства, предстоит вновь полететь в составе новой группы не только, чтобы разоблачить ненормального убийцу, но и разобраться в истории своей семьи, про которую, как оказалось, она не знала абсолютно ничего. Золотой орел, спрятанный на острове китайской наложницей, шаманы, древний артефакт – все это еще больше запутает расследование, но недаром Байкал считается сакральным центром всего северного полушария: он поможет дилетантам сохранить очень хрупкий баланс добра и зла, где первого всегда должно быть чуточку больше.

ISBN 978-5-532-92375-1

© Ефимова Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	18
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Ефимова

Забытая легенда Ольхона

*Всему, поверьте, есть свой срок,
Не торопите убегающее время
И не спешите подводить итог
Не до конца прочитанной поэме.*

*Мы все хотим сегодня и сейчас,
Но так, увы, нельзя, так не бывает.
И самых невоспитанных из нас
В отместку время просто убивает.*

*Ты, лишь пройдя свой путь, весь от начала,
Себя по каплям будешь создавать.
Из дилетанта в профессионала,
Приблизив время, камни собирать.*

*Всему, поверьте, есть свой срок,
Не торопите убегающее время.
Не вырастет за пять минут цветок,
И не созреет яблоко в Эдеме.*

*Все, что пыливый читатель прочтет в этой книге,
исключительно вымысел автора и все совпадения – простая
случайность. Единственное, что в этой книге правда – это великий
Байкал.*

Глава 1

– Глухо как в танке, – ответил Эндрю Зине на вопрос о новых делах, – вот второй день разбираю заявки, все не наш формат.

– А группа, которая в работе? – спросила она его совсем не тоном начальника, который требует отчета от своего подчиненного, а скорее словно друг, который интересуется новостями.

– Они уже скоро будут дома, все в лучшем виде, – Эндрю улыбнулся во все тридцать два, так словно это была его личная победа, – вычислили того, кто покушался на дочь заказчика, и уже возвращаются. Алексей поехал за их личными финиками, завтра вручение.

Финиками они в агентстве называли вознаграждение, не обязательно денежное, положенное дилетантам за раскрытое дело. Нет, конечно, оплачивалась и сама работа, даже когда не удавалось раскрыть преступление, что бывало крайне редко, такие дела за два года можно было посчитать на пальцах одной руки, а финики были приятным бонусом за успех.

– Иди выпей кофе, я сама посмотрю заявки, – сказала Зинка молодому человеку. Эндрю был, пожалуй, единственным, кто не изменился за последние два года после их знакомства. Мотя, Алексей, да и сама Зинаида очень сильно поменялись и характерами, и даже внешне, лишь Эндрю, с большими глазами в круглых очках, с непослушной челкой и отсутствующим взглядом, как мальчик, похожий на Гарри Поттера, оставался прежним в свои двадцать семь лет, словно забыв повзрослеть.

– Эту я уже промониторил, не наш случай, можешь спокойно отправлять в корзину, там ритуальные убийства, в общем, не формат, – Эндрю махнул рукой на экран, где был открыт файл, и с большим удовольствием сбежал из аппаратной.

Да, обычно убийствами они не занимались, ну разве что в экстренных случаях, а ритуальными никогда.

«Изба» – домик, который Зинка приобрела для офиса, как только стала главой детективного агентства «Дилетант», стал для Эндрю почти домом. С личной жизнью у молодого человека не складывалось, и потому он не спешил в родные пенаты и прекрасно чувствовал себя здесь. «Изба» представляла собой отдельно стоящий дом, была очень хорошо отремонтирована. Там была гостиная для приема клиентов, аппаратная и штук пять комнат, так, на всякий случай. В уютной приемной муляж телевизора позволял наблюдать за гостем и даже слышать то, о чем он говорит, сидя в соседней комнате, которую все прозвали аппаратной, и наблюдение это нельзя было заметить. Все по-взрослому, как в допросной в хорошем полицейском участке. По сути, в «избе» они пользовались только двумя комнатами, гостиной и аппаратной. Вот и сейчас, сидя за компьютером, Зинка наблюдала, как Эндрю, налив себе огромную кружку горячего чая и уткнувшись в смартфон, что-то увлеченно читает.

Руки забегали по клавиатуре, Зинка многое изменила с того момента, когда агентство перешло к ней по наследству после смерти деда, в частности подачу заявки на расследование. Возможность сделать это по-прежнему была только через рекомендации проверенных людей, но теперь заявка принималась исключительно в формате видео. Это давало возможность увидеть заявителя, определить его психотип и отсеять сумасшедших с манией преследования, которые попадались нередко.

Зина нажала на видео, что оставил на экране Эндрю, и особо не прислушиваясь к говорившей красивой женщине, помня, что это не их случай, продолжила смаковать нахлынувшие не нее воспоминания.

Да, она молодец, большая молодец. В доставшемся по наследству от деда агентстве «Дилетант», где подобранные по психотипу незнакомые люди могли расследовать преступления, Зинка изменила практически все, оставив неизменным только главное – уникальную систему подбора дилетантов. Правда, и этим теперь занималась компьютерная программа,

которую усовершенствовал Эндрю, гений программирования. Он же придумал подбирать в базу гипотетических дилетантов, через социальные сети, потому что как будто в помощь им девяносто процентов людей там рассказывают о себе практически все. Это немного облегчило задачу подбора.

Вообще из них четверых получилась хорошая команда, они стали единомышленниками, подружившись на первом Зинкином деле еще в качестве дилетантов. Зина, только что потерявшая самого близкого ей человека – деда и узнавшая о его двойной жизни, получила словно обухом по голове, не зная тогда, что делать с этой информацией. Алексей Кропоткин, избалованный ребенок влиятельных родителей, потомок знатного рода, забывший к сорока годам повзрослеть и наделавший много глупостей. Эндрю Шишкин, сын фанатиков-математиков с безумным талантом программиста, прозябающий на неинтересной работе. Четвертая была Матильда Портнягина, как позже выяснилось, лучший в своем роде эмпат и наивная педикюрша без образования. Она была третьей дочкой в семье и ютилась с родителями и сестрами в маленькой хрущевке, отчего она очень страдала. Вообще Мотя была не похожа ни на кого, Зина за эти два года больше не встречала такого стопроцентного эмпата.

От воспоминаний того дела в осеннем Владивостоке по телу пробежали теплые волны счастья, и улыбка замерла на лице. Именно там два года назад Зинка встретила свою первую и до сих пор самую сильную любовь – Тимура. Как и все первые отношения, они закончились ничем, расстояния, разделяющие влюбленных, свели на нет всё, но независимо от этого воспоминания все же остались самые светлые. Хотя если говорить честно, до сих пор небольшая обида сидела внутри Зинаиды, надоедливо зудя: «он так и не позвонил». Но ведь если быть до конца откровенной, то и она не позвонила.

Когда отношения между молодыми людьми зашли в тупик из-за разницы во времени в семь часов и шести тысяч километров разделяющей их суши, влюбленные, почти год летавшие из Владивостока в Москву и обратно, как на работу, решили взять паузу, подумать, нужны ли они друг другу. Переезжать не хотел ни один, ни второй. Пауза затянулась на долгие тринадцать месяцев, поставив тем самым твердую точку, без слезливых разговоров, просто тишиной телефонов. Зинка только сейчас, глядя в экран, осознала, что с того ее печального возвращения из Владивостока, где они и приняли такое сложное для обоих решение, прошел уже год. И никто никому не позвонил. Не выдержали их отношения проверки так называемой паузой. Зина старалась не думать, почему она не набрала знакомый номер первой, ей было удобнее злиться на Тимура за то, что он сам не сделал это.

Из гостиной через встроенный динамик наблюдательного окна послышался разговор на повышенных тонах.

– Папа, это невозможно, ты должен запретить маме ночевать в институте, это не дело. Не важно, что шел эксперимент! – почти кричал Эндрю, что было не похоже на спокойного молодого человека. Но Зина понимала, почему он так реагирует, родители – это была его большая мозоль, его ахиллесова пята. В небольшой семье Шишкиных взрослым и рассудительным всегда был только Эндрю, даже когда мальчику было десять. До этого неприспособленную к жизни семью молодых ученых тащила на себе бабушка, когда же ее не стало, все легло на плечи маленького мальчика. Вот и сейчас, видимо, проверяя, всё ли нормально у родителей, Эндрю пытался что-то исправить в их неправильном, по его мнению, распорядке дня.

Зина выключила динамик, чтобы не подслушивать личный разговор. Он был неприятен ей, потому что напоминал о собственных родителях. Они у нее были геологами, и как рассказывал ей дед, – по причине малолетства Зина этого просто не могла помнить, – только ей исполнилось три года, молодые специалисты, голодные до новых открытий, уехали в свою первую командировку. Первая плавно переросла во вторую, а вторая в третью, и дома родители появлялись от силы раз в год, на неделю, не больше. Погостив, они холодно чмокали Зину в макушку и улетали обратно в свой сказочный мир романтики и открытий. Из-за этого самым

близким и родным человеком для Зинки всегда был дед. При живых родителях Савелий Сергеевич Штольц, профессор психологии, заменил ей и маму, и папу. Именно с его уходом Зина почувствовала себя сиротой. Родителей же Зинаида не видела с похорон деда, то есть уже два года. Нет, они существовали где-то в этом мире, звонили ей иногда, когда ловили связь их сотовые телефоны или – о чудо! – их группе дали спутниковые. Последний звонок был полгода назад, на заднем плане трубили слоны, и связь постоянно прерывалась. Дежурная фраза типа: «у тебя все в порядке?» и тишина в трубке, а всё потому, что разговаривать больше не о чем. Они, по сути, были совершенно чужими друг другу людьми, несмотря на свое кровное родство.

Но Зина ни о чем не жалела, ведь у нее был дед, самый умный и самый лучший человек на свете. Савелий Сергеевич был рядом самые счастливые двадцать два года ее жизни, и от этого она навсегда останется самым счастливым ребенком, с прекраснейшим детством на земле. Лишь дед умел сделать ее мир лучше, он садился рядом с ней и по-отечески обнимал за плечи. Тихо, словно открывая ей огромную тайну, Савелий Сергеевич цитировал строчку из стихотворения Юлии Друниной: «Знаешь, Зинка, я против грусти», и мир становился чуточку светлее, а проблемы уменьшались в геометрической прогрессии. Позже, протянув ей чай в любимой кружке, он улыбался одними глазами, так, как умел только он, и Зинка точно знала, что всё будет хорошо, что мир добр и обязательно сделает ее счастливой.

На экран компьютера, где по-прежнему что-то говорила красивая женщина, села муха. «Странно, – подумала Зина, – только май, а мухи уже начали завоевывать свое пространство». Чтобы спугнуть нахалку, нагло шагающую по монитору, девушка наклонилась и тут же замерла, дыхание участилось, и ей пришлось резко закрыть и открыть глаза, чтобы сфокусировать взгляд и понять, что ее зрение не обманывает. Но это не помогло, Зинаида всё равно видела то, что не должна была видеть. Этого просто не могло быть, потому что это невозможно. Остановив запись, она встала и зашагала по комнате из угла в угол, пытаясь таким образом успокоиться, но пока получалось плохо. В этот момент в комнату вошел Алексей Кропоткин, друг и правая рука. Несмотря на то, что Зине было двадцать четыре года, а этому мужчине сорок, он всегда обращался к ней почтительно и с уважением, как и подобает подчиненному, не пользуясь лишним раз ее дружбой с его женой Матильдой и, в принципе, хорошим отношением начальства в лице Зинки к нему самому. Но сейчас, видимо, Алексей решил, что не до условностей.

– Зин, что случилось? – спросил он испуганно.

Но начальство продолжало ходить по комнате, грозя снести мебель. На довольно громкий и сказанный с тревожной интонацией вопрос Алексея, который от беспокойства не закрыл дверь в аппаратную, прибежал Эндрю и, удивленно переглядываясь с Кропоткиным, задал тот же вопрос:

– Зин, что случилось?

Она же, словно только заметила появление мужчин, остановилась, подошла к экрану и ткнула туда, где раньше сидела муха.

– Что? – одновременно сказали Алексей и Эндрю, присмотрелись к изображению, но причину беспокойства понять, видимо, пока никто так и не смог. Компьютерщик даже отставил недопитый чай и застучал по клавиатуре в надежде увидеть то, что так испугало Зину. Перемотав немного назад и вперед, молодой человек понял, что картинка не менялась, и вопросительно посмотрел на начальницу. Там на фоне маленького кабинета по-прежнему сидела красивая женщина лет тридцати, повествуя о своей проблеме.

– Посмотрите за ее спиной в зеркало, – сказала Зина своим подчиненным по слогам, словно недогадливым детям.

Мужчины приблизились практически вплотную к экрану, потому как зеркало висело не совсем за спиной, а несколько дальше и было не очень большого размера. Алексей даже выта-

щил из стола лупу, чтобы увеличить мелкое изображение. Эндрю же, хмыкнув на его жест, поколдовав, приблизил картинку нажатием нужных кнопок.

– Ну, это женщина, которая, как я понимаю, снимает заявительницу на телефон, – выдал он свой вердикт.

– Это не просто женщина, – сказала Зина, – это моя мать.

Когда пауза несколько затянулась, Алексей спросил:

– Но ты же говорила, что родители в Африке.

– А эта заявка с Байкала, – просветил Эндрю, – с острова Ольхон. Может, ты ошиблась?

– Вот, – пока они рассуждали, Зина рылась в своем рюкзаке, – смотрите, это единственное фото моих родителей, что, конечно, тоже очень странно, правда, мне самой до этой минуты так не казалось.

Она протянула снимок, на котором по центру сидел Савелий Сергеевич Штольц, держа на руках маленькую рыжую девочку лет семи, а по бокам стояли двое молодых и красивых людей.

– Ну похожа, – согласился Эндрю, – но это все лирика. Давай пусть программа проверит их на схожесть.

Он ловко скопировал фото, которое дала ему Зина, и уже что-то колдовал в компьютере, пытаясь заставить его подтвердить или опровергнуть идентичность женщин.

– Зин, – пока Эндрю работал, Алексей решил порассуждать. Была у них такая игра в агентстве – все ставить под сомнения. – Вот даже если и она. Они же геологи, может, их судьба занесла на Байкал, просто забыли тебе сказать, ты же сама говорила, что вы не очень близки, вот они и не придали этому значения.

На этих словах Зина набрала номер в своем мобильном.

– Да, но они по-прежнему абонент не абонент, – сказала она, со страхом ожидая вердикта Эндрю, – причем и она, и отец.

– На Ольхоне связь хорошая, стоят вышки, – выдал Эндрю информацию, не останавливаясь и продолжая колдовать в компьютере.

– Прогресс, – философски заметил Алексей.

– Зин, совпадение девяносто восемь процентов, – крикнул радостно Эндрю, но поняв, что это тут не к месту, добавил: – Программа может ошибаться.

– Ну не сто, – выдал Алексей, не зная, что сказать.

– Эндрю, пробей по своим секретным каналам, въезжали или выезжали из страны в ближайшие два года супруги Звягинцевы, – попросила Зина и, заметив его недовольный взгляд (уж очень он не любил нарушать закон и лазить в базы государственных служб), жалобно добавила: – Сделай исключение для меня, договорись со своей совестью, пожалуйста, сам, мне сейчас не до сантиментов.

Еще двадцать минут прошли в тишине, нарушаемой лишь стуком пальцев по клавиатуре и бормотанием молодого человека «ничего не понимаю». Эндрю с каждой минутой все больше хмурился, и когда повернулся к друзьям, то на нем не было лица.

– Зин, – сказал он, немного помявшись, словно подбирая слова, – я не знаю, как это возможно, но твои родители погибли в результате взрыва на Витватерсранд, крупнейшем в мире месторождении золотой руды с содержанием урана, – читал Эндрю с экрана, – в ЮАР к юго-западу от Йоханнесбурга девятнадцать лет назад, то есть, когда тебе было пять лет.

В аппаратной повисла пауза, долгая и тяжелая, мужчины не знали, что говорить, а Зинка же пыталась справиться с рухнувшей на нее информацией.

– Значит так, – сказала она, – мы беремся за это дело. Эндрю, подбирай дилетантов, группу собирай под меня, я универсал, сойду за любого.

– Если я пройду через программу, возьми меня с собой, – искренне попросил Эндрю.

Зина молча махнула головой, продолжая находиться в шоке.

– Прости, я не могу, – покраснел от неловкости Алексей. – Сашке полгода всего, Матильда не справляется.

– Все нормально, – успокоила его Зина, сейчас казалось, что она где-то далеко и все эти разговоры ее не очень трогают, – ты остаешься на хозяйстве. А ты ищи, – обратилась она вновь к Эндрю, – нам надо поторопиться, у меня теперь личный интерес.

– Но как могло так случиться, что ты не знала о родителях? – всё-таки решился Алексей задать тот вопрос, который словно витал в воздухе «избы».

– Я жила с дедом, – пожала плечами Зина, словно сейчас сама первый раз задалась этим вопросом, – вот в прямом смысле, с самого детства только с дедом. Мы, конечно, постоянно говорили о родителях, он рассказывал и подогревал мой интерес к ним, чтобы я ждала их приезд. Как сказки выдавал всякие интересные истории про маму и какой она была в детстве. Я была влюблена в нее заочно и ждала встречи с нетерпением, но реальность очень отличалась от сказочных рассказов деда. Неделя с совершенно чужими людьми, которые не вызывали теплых чувств, и вновь расставание, которое приносило уже не огорчение, а лишь облегчение и неприятный привкус во рту, как от протухшей еды. Я думала, это из-за обиды за то, что бросали меня, очень легко и просто бросали, словно я не была ничем ценным в их жизни, а возможно, потому что я чувствовала на метафизическом уровне, что это чужие люди. Представляете, если это были дилетанты, которых дед периодически привлекал для меня, ужас. Вот только почему они продолжают свою игру даже после смерти их заказчика? Почему они приехали на похороны и продолжают раз в полгода звонить мне и пусть ненавязчиво, но все же интересоваться моей жизнью?

– Видимо, это так и было, – рассуждал Алексей, – и скорее всего, это были дилетанты, нанятые Савелием Сергеевичем, но вот как в школе никто не проговорился? Это такая информация, которая как вода, просто обязана была найти выход. Документы проходят директора, секретаря и, конечно, классного руководителя, что знают трое, то знают все, закон.

– Я не училась в школе, Алексей, – прервала его рассуждения Зина, – у меня было домашнее обучение, ко мне на дом приходили педагоги из школы, проверяли знания, ставили оценки и уходили. В институте же эти мелочи типа родителей уже никого не интересуют. Проверять же самой мне никогда не приходило в голову. Я просто приняла на веру ту историю, которую предложил мне дед, и жила с этим.

В аппаратной повисла пауза, лишь было слышно, как стучат по клавишам пальцы Эндрю, выполняя срочное поручение шефа.

– Это, конечно, в первый раз у нас, расследования ритуальных убийств, в своем роде эксперимент, поэтому всё очень шатко, – сказал он, нарушая тишину.

– Ну для нас это не впервой, когда шатко, – парировал ему Алексей, радуясь, что скользкая тема пройдена, – что только стоило расследование группового убийства год назад в Калининградской области.

– Все готово, – воскликнул Эндрю, прервав воспоминания Алексея, – программа выдала поиск пяти дилетантов.

– Не шесть, это уже хорошо, – сказала Зина, наклонившись к экрану, – ну что за компанию мне выдала старушка?

– Так, администратор – это ты, технарь – это уже мне повезло, – было видно, что Эндрю действительно этому рад, – а вот этих трех ребят нам придется искать. Зоолог, историк и... – не прочитав последнего, Эндрю замолчал.

– Только не говори, что это вор, – сказала Зина, вспомнив Феликса Есупова, с которым им пришлось работать год назад. Он до сих пор периодически напоминал ей о себе цветами и открытками из разных городов, где он гастролировал со своей труппой, пытаясь вымолить Зинкино прощение. Но молодой человек не понимал главного, дело было даже не в прощении, Зина просто не испытывала никаких чувств к красивому молодому циркачу, ну вот совсем

никаких. Феликс был красив, умен, талантлив и еще у него было прекрасное чувство юмора, которое очень нравилось Зине, но ведь любят не за это. Зина была уверена, что любовь рождается в душе не потому, что объект обожания в чем-то хорош, а потому что души узнают друг друга. Они были уже вместе когда-то давно, они знают и чувствуют каждую грань друг друга, и поэтому солнечные сплетения открываются навстречу, давая влюбленным прижаться к родной душе. И никакие плюсы в характере и внешности человека не могут на это повлиять.

Поэтому то, что Феликс ее обманул, там, на берегу Балтики, было только предлогом для отказа, а не его причиной. Оттого их односторонний флирт продолжался уже год и вяло перетекал в какую-то игру, которая делала жизнь чуть ярче. Но вот в чем парадокс, когда он долго не давал о себе знать, Зина чувствовала дискомфорт и писала ему сама, словно вдыхая жизнь в их замершую игру.

– Так кто там? – поторопил друга Алексей.

– Эзотерик, – неуверенно произнес тот.

– И никаких логиков и эмпатов? – уточнил мужчина, хмурясь. Потому как раньше они почти всегда составляли основу группы.

– Нет, – помахал головой Эндрю.

– А ты точно не ошибся? – настаивал коллега, хмурясь.

Все понимали, почему Алексей спрашивает про это. Администратор, логик, эмпат и технарь были основой уникальной системы, созданной Савелием Сергеевичем Штольцем. После, опираясь на его же разработки, Эндрю под руководством Зинки для расследования того группового убийства доработал программу, и она стала выдавать дополнительных членов группы, но основа всегда оставалась неизменной: администратор, логик, технарь, эмпат. Сейчас, с учетом введения новых данных, программа выдала совсем новое сочетание дилетантов, и это настораживало.

– Давайте я еще раз попробую, – растерянно предложил Эндрю, опустив глаза, словно он был виноват в том, что выдала программа.

– Не надо, – остановила его Зина, – все правильно, мы же едем на Байкал, на остров Ольхон. Николай Рерих, художник, писатель, исследователь, по мне так в большей степени философ, считал, что Байкал – это один из центров повышенной энергетики на Земле, где происходит слияние энергопотоков самой планеты и космоса. Так что мы с тобой, Эндрю, едем в аномальную зону, и эзотерик, видимо, нам пригодится со своими вымыслами. Ведь как можно спрятать правду? Только перемешав ее очень плотно с ложью. Вот отделить зерна от плевел нам и поможет человек, кое-что понимающий в этом. Тем более убийства у нас идут в разряде ритуальных.

– А историк с зоологом? – спросил Зину Алексей, все еще сомневаясь в правильности решения.

– Ну, историк по этой же версии, он с эзотериком одной масти, один будет говорить факты, другой вымыслы, а мы должны будем найти золотую середину, а вот с зоологом посмотрим, жизнь покажет. Ищи претендентов, Эндрю, не перепроверяй, первая версия она всегда самая правильная, так же как первое принятое решение.

В этот момент у Алексея зазвонил телефон, и из динамика закричала Матильда, так громко и отчаянно, что ее услышали все находящиеся в комнате люди. Что именно она пыталась донести мужу, было не очень понятно, слова практически сливались друг с другом, и их невозможно было разобрать. От ее плача и крика у Зины липкий холод пробежался мурашками по коже. Пытаясь стать хорошей мамой, Мотя так себя изводила, что, уже когда их Сыну Сашке исполнилось пять месяцев, в и так стройной девушке не осталось вообще ничего, как говорится в народе, кожа да кости. Поэтому первой страшной мыслью было «что-то с Сашкой». Именно этот вопрос и повторял Алексей ей в трубку, но это было бесполезно, Мотя его не

слышала. Единственное слово, которое можно было разобрать из ее воплей, – «украли», и от этого слова становилось еще страшней.

ШАМАН

Когда Ванжур ступил на землю Ольхона, то даже физически почувствовал, как силы возвращаются к нему. Дышать стало легче, и даже кровь спокойнее потекла по жилам. Полет из Иркутска до аэропорта Хужир был совсем невыносим, даже несмотря на свою краткость по сравнению с предыдущими перелетами, а все потому, что сил уже не оставалось совсем. Никогда еще семидесятилетний Ванжур не покидал свою землю так надолго. Когда в Иркутске делали пересадку из Москвы, то он лишь молил духов о том, чтобы хватило сил добраться до своей земли, и они услышали старого шамана. Сейчас же силы вновь возвращались, и Ванжур знал, лишь только он доберется до своего дома, то вновь почувствует мощь в руках, теле и душе.

– Сайн байна, – услышал он знакомый радостный голос.

– Говори по-русски, – не здороваясь, попросил Ванжур приветствующего его на бурятском человека.

– Ванжур, как так, ты и самолет, не могу поверить, – очень быстро и с акцентом заговорил тот по-русски.

Сорокалетний улыбающийся бурят подбежал к нему и крепко обнял за живот. Дело в том, что Ванжур был очень высоким, а Алтан, человек, который встречал его, был довольно низкого роста даже для бурята.

– Когда ты написал в телефоне – самолет, я не поверил, – весело и быстро говорил смешной мужчина, – так смотрю в телефон и думаю, может, ошибка. Потом еще посмотрел, вроде написан самолет, ну и поехал в аэропорт, думаю, дай проверю. А чё, я подумал, Ванжур в Москву летал, летал, может, и здесь решил.

– Устал я, – честно признался мужчина и тяжело вздохнул.

– Понимаю, не мог еще четыре часа на автобусе ехать, – продолжал быстро отвечать сам на свои вопросы маленький мужчина, одновременно махая утвердительно головой, – дорога у переправы совсем разбилась, трясет страшно, как вспомню, как провожал тебя, три дня потом еще качало – честно, честно, как в Байкале, когда штормит, – подтвердил Алтан не улыбаясь, видимо, чтобы решили, что не врет.

Они потихоньку направились по взлетному полю в сторону стоянки машин. Ванжур шел впереди, величественно шагая своими длинными ногами, а Алтан семенил следом, рассказывая последние новости.

– А у нас беда, да, да, ой беда, такого великий Байкал не видал со времен нашествия монголов, точно говорю, – продолжал тараторить Алтан, – кстати, а почему по-русски-то? – запоздало спросил низкорослый бурят.

На этих словах Ванжур обернулся и увидел, что тот, ради кого сейчас говорили по-русски, не пошел за ними, а испуганно стоит на металлической площадке возле самолета и оглядывается по сторонам.

– Получилось, – выдохнул Алтан, тоже посмотрев в ту сторону, и было видно, что слезы набежали на глаза, но он быстро собрался и погрозил своим коротким и толстым пальцем Ванжуру, – вот ты, конечно, плохой человек, почему не сказал, что получилось, почему не написал. Значит, про самолет Ванжур написать может, а успокоить Алтана, чтоб сердце не выпрыгивало, то нет. – И вдруг, остановившись, повторил свой первоначальный вопрос: – А почему по-русски-то?

– Потому что он не знает бурятский язык, – ответил Алтану Ванжур и махнул мальчишке рукой, – а я не хочу, чтоб он чувствовал себя у нас одиноко. С этого момента при нем мы

говорим только по-русски. А не писал, потому что до последнего было неясно, отдадут или нет, но в посольстве нашем хорошие люди работают, помогли.

Мальчик, увидев призыв, стал передвигаться по взлетному полю, тщательно вглядываясь под ноги, словно боясь наступить на что-нибудь неприятное. Его огромные голубые глаза были наполнены слезами, но они не лились, а стояли, делая глаза на вид стеклянными. Сам он был маленьким и щуплым, с белой кожей и пшеничными волосами, словно Иванушка из сказки, не послушавшийся свою сестрицу Аленушку и попавший в беду. И лишь большие скулы напоминали о брацковатой внешности его матери.

– Сколько лет-то ему, семь ведь, да? А смотри, какой маленький, щуплый, я-то думал, побольше паря будет, – сказал Алтан, тяжело вздохнув.

– Просто физиология такая, ничего, вырастет, – успокоил друга Ванжур.

– Конечно вырастет, еще бы ему не вырасти, точно говорю, на моих бууза, да на хушурах, которые я готовлю лучше всех на Байкале, он богатырем станет, – вновь весело затараторил Алтан и довольный засеменил своими короткими ногами дальше.

На стоянке возле аэропорта было припарковано более десяти машин, так называемых «буханок», эти автомобили УАЗ-452 считались самыми удобными, а потому и самыми распространенными на острове. Синие, голубые, зеленые и даже просто ржавые, их было множество. «Буханку» же, которая принадлежала Ванжуру, нельзя было перепутать ни с какой другой на острове, на ней был нарисован орел. Но это была не маленькая картинка на боку машины. Со стороны казалось, что огромная птица проглотила старенькую машинку.

Алтан ловко запрыгнул на сиденье водителя и уже что-то там нашептывал, словно спрашивал разрешения у странной машины управлять ею.

– Нравится? – спросил Ванжур у мальчишки, который восхищенно рассматривал машину. Тот, не произнеся ни слова, утвердительно махнул головой.

– Это белоголовый орел, символ Ольхона, – пояснил Ванжур, – еще его называют могильник, но правильно его называть «император». Однажды царь всех шаманов спустился в его обличье на этот остров, сделав тем самым Ольхон столицей мирового шаманства, местом, где соединяется наш мир и другой, не видимый обычным людям. Ну а мне, – уже менее торжественным голосом продолжил рассказывать Ванжур, – этого «орла» подарил один молодой человек, я помог ему, он художник, делает на машинах аэрографию. Вот и предложил раскрасить «буханку», а я не смог удержаться и согласился, очень красиво, да?

Мальчишка снова махнул утвердительно головой, и они стали загружать свой небольшой багаж и усаживаться сами.

– Ой, что происходит у нас, – театрально махал головой Алтан, когда они ехали домой, – страшно мне тебе рассказывать. Вот я даже вспоминать боюсь, а говорить вообще страшно.

– Хватит причитать, – остановил его Ванжур, – рассказывай уже.

Оглянувшись назад, он увидел, что мальчик, поджав под себя ноги, видимо, от тряски и усталости уснул на заднем сиденье машины.

– И тише говори, вон мальчика совсем разморило.

– Что, так и молчит паря? – шепотом спросил Алтан.

– Молчит, – подтвердил Ванжур, – но ничего, я это поправлю, время надо.

– Так может, по-бурятски? – предложил помощник.

– Нет, – односложно ответил Ванжур и сдвинул свои пышные брови так, что у Алтана отложились мысли больше никогда об этом не спрашивать.

– Убийство у нас, – сказал он быстро, чтобы только Ванжур перестал злиться, – целых два.

– Туристы? – спросил тот спокойно, но Алтан знал цену этому спокойствию.

– Нет, – помахал головой помощник, – и очень нехорошие убийства, похожие на жертвоприношение.

– Ты что чушь несешь! – вскрикнул Ванжур и тут же осекся, вспомнив про спящего ребенка, – Байкал не принимает человеческих жертв, и ты это знаешь не меньше, чем я.

– Ну это если дело не касается золотого орла, – тихо ответил ему Алтан, поджимая губы, – да ты все сам сейчас увидишь. Я фотографироват, аккуратно, пока милицию ждал.

– Полицию, – поправил его Ванжур.

– Одинаково, ничего у них не изменилось, как были глупыми двадцать лет назад, такими сейчас и остались, вот я тебе говорю. Такими глупыми делами занимались здесь, я удивлялся, а по делу ничего не сделали. Вот сейчас дома сядем, и поймешь сам, я бурят, я врать не буду, – гордо закончил он.

Вдалеке показался родной дом, он был из сруба и стоял один величественно и грустно. В километре от него виднелись маленькие, быстро возводимые домики ученых, эдакая деревенька из шести вагончиков.

– Кто жертва, – спросил Ванжур, что-то обдумывая, – эти?

Он головой показал в сторону деревни ученых.

– Нет, – ответил Алтан и хотел еще что-то сказать, но увидел, что у их дома стоит машина главного шамана острова Балта.

– А этот что здесь делает, вот как его бесстыжие ноги еще дорогу не забыли к нашему дому? – задал он риторический вопрос и возмущенно всплеснул руками.

– Спокойнее, – оборвал его порыв Ванжур и вышел из остановившейся машины. На крыльце его дома сидел главный шаман острова.

– Приветствую тебя, Ванжур, холодный нынче май, – сказал он невесело.

– Здравствуй, Балта, да, Баргузин дует больше обычного, – ответил тот шаману и сел рядом на крыльцо. – Зачем пришел?

– Хотел предупредить тебя, чтоб не лез. Глупости болтают про сокровища и жертвоприношения, полиция говорит, что это сумасшедший, маньяк у нас. С ним они разберутся, а духов успокою я. Ты уже никто, не шаман, не главный на Ольхоне, поэтому не высывайся.

На этих словах из машины вышел проснувшийся мальчишка.

– Кто это? – настороженно спросил Балта у Ванжура, прервав свой монолог.

– Правнук, – просто ответил тот.

– Он не бурят, он русский, он не может быть шаманом, – вдруг закричал мужчина испуганно.

– Он даже не русский, он швед, – грустно ответил ему Ванжур, – и успокойся ты уже. Некрасиво главному шаману так дорожить своим местом и трястись за него. Боишься, деньги уйдут? Что думаешь, я ушел, оставил тебе почетное звание и не знаю ничего? Не знаю, как ты развел взвод ряженных, которые называют себя шаманами и из туристов деньги выманивают? Да лучше бы я не знал, так больно мне смотреть, что происходит на острове. Но ладно я, ты забыл, что духи видят всё, и то, что ты творишь, и на что глаза свои закрываешь, и в душе, о чем гадком мечтаешь.

– Ты в эти убийства не лезь, не жертвы они, просто сумасшедший чудит, сказок наслушался и чудит, – зло сказал Балта, – а ряженные или нет, не тебе теперь решать. Вон правнуком лучше занимайся, сразу видно, болезненный он у тебя.

На этих словах главный шаман острова развернулся и, не прощаясь, пошел к своей машине.

– Вот говно человек, – вскинув руки, Алтан констатировал это как факт и присел рядом с Ванжуrom, – вот напакостил и еще ходит сюда, ходит.

– Ладно, не злись, мне тогда самому надо было уходить, не ждать, пока это сделает Балта, он прав, нет у меня продолжения, – вздохнув, сказал тот. Из-за угла, услышав голос хозяина, прибежал пес Бурхан и стал ластиться, – он прав, я бывший шаман, теперь я гид.

Мальчик не решался подойти, увидев большую собаку, он остался стоять у машины и с испугом поглядывал на нее.

– Ты не бывший, – вновь всплеснул руками друг и помощник, – такой как ты не может быть бывшим, ты избранный. Это Балта решил, что ты бывший, говно человек, говорю же. Ничего не боится – ни людей, ни духов, так еще и не стыдно ему тебе в глаза смотреть, тьфу, – по-настоящему плюнул вслед уезжающей машине Алтан.

– Кормить будешь или поплюешься еще немного? – улыбаясь, сказал Ванжур, он соскучился по этому такому эмоциональному и такому родному буряту, ставшему отшельнику Ванжуру не просто помощником, а почти сыном. Алтан дружил с его родным сыном Николаем и, когда тот погиб, стал для шамана родным человеком.

– Точно говно человек, так с ним расстроился, совсем из головы повылетало, что хотел, – снова быстро заговорил Алтан и хитро заулыбался, сменив свое настроение с гневного на счастливое. – У меня там и бууза из баранины, и шулэн наваристый, и сулудой, все пальцы оближешь и добавки попросишь. Эй, хороший человек, – улыбочивый мужчина первый раз обратился к мальчонке, который растерянно смотрел по сторонам и не знал, куда идти, не только сейчас, но и, возможно, в принципе по жизни. – Собаку не бойся, добрая до дури, пошли обедать, быстрее давай, остывает все, а потом еще и чай пить будем с боова, – и добавил так сокровенно, словно сам сейчас только об этом и мечтал, – со сгущенкой.

Мальчишка продолжал смотреть непонимающе.

– Ты не знаешь, что такое сгущенка, – понял Алтан, и мальчик утвердительно махнул головой. – Слышишь, Ванжур, он не знает, что такое сгущенка, – крикнул он шаману.

– Он жил в Швеции, там нет сгущенки, – попытался успокоить его возмущение Ванжур.

– Как нет сгущенки, совсем плохо живут, слышишь, паря, ты сейчас попробуешь сгущенку и всё, забудешь, как тебя зовут. Будешь говорить: Алтан, миленький, дай еще сгущенки.

Он схватил мальчика за руку и повел в дом, причитая по пути, как может не быть сгущенки, и продолжая рекламировать свое кулинарное искусство. Ванжур же остался сидеть на крыльце, словно не мог надышаться родным воздухом Байкала.

Ему очень не нравилось то, что происходило на его острове. Хоть Ванжур и перестал быть главным шаманом семь лет назад, но по-прежнему у него болело сердце за остров Ольхон, за людей и родной Байкал. Надежды на Балта не было никакой, человек он шебутной и алчный, а как шаман и того слабенький. Не справится.

– Ванжур, – слышался крик из дома, – иди есть, а то этот паря тебе ничего не оставит.

– Его зовут Айк, – тихо ответил он Алтану и заплакал, первый раз со смерти своей внучки старый мужчина разрыдался в голос.

Глава 2

Вика смотрела на бабочку и впервые не могла сосредоточиться на ее красоте. Как так, ведь она так давно мечтала ее найти, проводила исследования и пыталась выяснить, где она может обитать. Червонец Алкифрон или червонец фиолетовый, уникальная бабочка, занесенная в Красную книгу Москвы под третьей категорией – редкий вид, а Вика никак не радуется, вот ни капельки. Нет обычного трепета, нет восторга, и Вика знала этому причину. Мечта всей ее жизни обрушилась, упав с неба на землю, и разбилась на сотни цветных кусочков, словно крылья бабочек рассыпались по земле. Сегодня пришел отказ в приеме на работу из научно-исследовательского института РАН. Планы Вики изучать членистокрылых и сохранять редкие виды провалились, и ей остается только прозябать в детском клубе юных натуралистов, в окружении детей, которые не то, чтобы не любили природу, а просто отбывали там время, как заключенные в тюрьме.

Мало того что самой было тошно и стыдно за то, что не смогла пройти отбор, оставшись вечной претенденткой на должность младшего научного сотрудника института Экологии, так еще и предстоит рассказать о неудаче маме. Это было, наверное, самое страшное в этой ситуации. Мама воспитывала Вику одна и поэтому боялась упустить, как она говорила подругам, дитя со сложными генами. Оттого бедной родительнице приходилось держать дочь в ежовых рукавицах. В Викиной жизни мама решала всё, вплоть до того, что ей, непутевой, сегодня надеть. Дочка же постоянно не оправдывала ожиданий матери и то и дело разочаровывала свою родительницу. Третье по счету непопадание в штат института, скорее всего, разобьет матери сердце, и она, лежа на диване и глотая литрами валокордин, будет причитать и сетовать, за что ей всё это. Затем, заламывая руки, прославлять генетику как науку, потому как гены – это страшная сила и их не обмануть. После таких спектаклей матери Вика втройне падала духом и еще долго мучилась угрызениями совести. Но говорить всё же придется, одно хорошо, мама сегодня на дежурстве и оправдываться нужно будет только завтра утром.

Все это промелькнуло в голове, и на красавицу бабочку не захотелось смотреть вовсе. Ее яркая окраска сейчас раздражала, а не вдохновляла. Поэтому щелкнув еще раз телефоном, для коллекции, Вика встала и пошла домой. Ей захотелось взять в руки интересную книгу, налить большую кружку чаю и, обложившись пирожными, уйти в другой мир, выдуманный, но из-за ее прекрасного воображения почти реальный. Сегодня будет романтический детектив, его девушка купила недавно на книжной ярмарке, и тот тихо поджидал своего часа. Любимый автор закружит Вику, погрузив в пучину преступления, а после наградит хеппи-эндом и парочкой неплохих стихотворений о жизни.

Закрыв последнюю страницу, Вика, как всегда, позавидует главной героине, которая столько всего пережила и натерпелась. Вот в ее пресной жизни не было приключений вовсе. Вика ни разу не попала ни в одну неприятность, потому что послушно исполняла все мамины наставления. Подруг как подвида в ее жизни не было, потому как ни одну кандидатуру, так и не одобрила мама. От этого вакуума просто-напросто некому было сбить ее с истинного пути, и Виктория упорно по нему шла, продолжая оставаться послушной скучной девочкой. Иногда в институте она с завистью подслушивала интересные истории одногруппниц об их победах и поражениях, но тут же, словно спохватившись, благодарила мысленно маму, что, запретив ходить по дискотекам, она ее от всего уберегала. Хотя в последнее время Вике казалось, что уберегла она ее в большей степени от жизни, чем от неприятностей.

Майское солнце по-летнему ласково гладило парки Москвы. Вика жила в этом районе с детства, и потому встретить здесь знакомого не было большой неожиданностью. Но столкнуться с красавицей одноклассницей в самом худшем настроении какое только могло быть – это была катастрофа. Та даже не обратила внимания на девушку, прошагала мимо на своих

длинных ногах, увлеченно разговаривая по телефону. Девушка и в школе была ничего, а сейчас же, в двадцать пять, стала просто красавицей с шелковистыми и длинными, как грива, волосами и точеной фигурой. На ее фоне Вика почувствовала себя совсем пропащей. Низкого роста, с короткими вьющимися волосами, которые трудно даже расчесать, она смотрелась рядом с одноклассницей как гусеница рядом с бабочкой, одно отличие, у гусеницы есть шанс стать бабочкой, а вот у Вики его нет. Да еще и эти вечные перчатки на руках, а впереди лето. Вика ненавидела лето за то, что в перчатках жарко и нелепо, за то, что если не перчатки, то руки всегда нужно держать в карманах, а это странно и отвратительно, но Вика с детства знала, что ей по-другому нельзя – нужно прятать свой дефект. Судьба у нее такая, всегда в перчатках, всегда руки в карманах всегда одна. Она даже не мечтала о женском счастье, но втайне, в глубине души надеялась, что когда-нибудь сможет родить маленькую девочку, чтобы не чувствовать себя одинокой. Когда Виктория однажды поделилась этой мечтой с мамой, та категорически запретила ей даже думать об этом: «С твоими дурными генами родится очередной урод, ты должна пожалеть маленькое дитя. Ты должна пожалеть меня, в конце концов, я не вынесу еще одну такую же, как ты». В душе сейчас смешалось все, и неудача в работе, и горькие мамины высказывания, и одноклассница, которая вызвала волну зависти, того чувства, которое так ненавидела в себе Виктория.

На душе стало настолько плохо, что это почувствовалось даже физически. Чтобы хоть как-то скрасить дорогу домой, Вика надела наушники и под веселую музыку уверенно зашагала по дорожке красивого московского парка. На тропинке в глубине лесного массива ей попала голубая коляска, а вокруг не было ни души. В ней лежал бутуз и улыбался этому миру. «Это не мое дело», – трусливо подумала Вика и зашагала дальше. Но ужасное душевное состояние впервые не дало ей пройти равнодушно мимо. Да и огромные глаза ребенка укором стояли в голове.

«Что я за тварь-то такая, маленькое дитя одно в парке, а я малодушничая, пекусь о себе любимой, чтоб лишний раз проблем не было. Вот именно от этого мне и не везет, потому как я эгоистка», – подвела она итог своим неприятностям.

Отчитав себя хорошенько, Вика вернулась к коляске и еще раз оглянулась вокруг. Никого не было, все дорожки оказались пусты. Рука сама потянулась к телефону, чтобы позвонить маме и спросить, как поступить, но, возможно, первый раз в жизни Вика себя остановила.

«Пора научиться принимать решения самостоятельно, – сказала она сама себе, – а не бегать от ответственности. Ты взрослая, тебе уже двадцать пять, – пристыдила себя девушка, – а ведешь себя, как будто тебе четырнадцать».

Снова посмотрев по сторонам и пару раз громко крикнув «чей ребенок?», Вика, не получив никакого ответа, двинулась в сторону полицейского участка, который располагался здесь, недалеко у входа в парк.

И вдруг солнце засветило ярче, показалось, что всё возможно и она не такой уж серый и пропащий человек. Вдруг поверилось, что Вика Мордашкина способна на решение, она личность, которая может всё, вот хотя бы спасти маленького брошенного ребенка.

Когда же до заветной двери полицейского участка оставалось всего-навсего три шага и девушка уже рисовала в голове, как ее будут хвалить, возможно, даже наградят, а мама, может, впервые будет ею гордиться, неведомое существо накинuloсь на Вика сзади и, повалив, со всего маха ударило головой о сырой от московских поливалок асфальт.

Мир, которому еще пять минут назад Вика давала второй шанс, провалился и потух, вновь не оправдав ее надежд.

Глава 3

– В тысяча девятьсот сорок первом году, когда фашисты подошли к Москве уже очень близко и появилась опасность ежедневных авианалетов, возникла проблема: нужно было как-то защитить Кремль и Красную площадь от бомбардировок, ведь понятно, что бомбить будут в первую очередь по Кремлю. И вот тогда нашим военным пришла гениальная идея, что лучшим выходом будет маскировка. Для этих целей по соседству с Кремлем возводили множество макетов, имитирующих жилые постройки. На Красной площади были проложены искусственные улицы, а на фасадах Кремля изобразили дома с окнами и дверями. В результате идея сработала на сто процентов. Лучшие летчики немецкой авиации так и не смогли определить местоположение Кремля. Наши военные спутали все расчеты и картографические схемы фашистов.

– Очень интересно, – сказала Зина, прервав познавательную историю мужчины, похожего на бухгалтера, и похлопала в ладоши. От ее хлопков Мотя и незнакомая Зине девушка, что слушали его с открытыми ртами, словно очнулись от наваждения и повернулись в ее сторону.

Час назад после криков Моти, которые разнеслись, как гром среди ясного неба, из телефона Алексея, коллеги полным составом рванули туда, где, по словам Матильды, у нее украли ребенка, но в парке никого не застали. Телефон Моти упорно делал вид, что не работает, поэтому Зина решила обратиться в ближайший полицейский участок для того, чтобы посмотреть камеры наружного наблюдения, и не ошиблась. Только они зашли в старое, пахнущее мужским потом помещение, то сразу поняли, что попали по адресу. Весь персонал полицейского участка пытался безуспешно успокоить орущего Александра Алексеевича.

– Это мой ребенок, – сказал, сорвавшись на крик, Алексей и ринулся к орущему мальчонке. Его в этот момент держал на руках усатый полицейский, и со стороны казалось, они совсем не понравились друг другу.

– Докажите, – возразил тот и попытался спрятать мальчика, но Александр Алексеевич, несмотря на юный возраст, дураком не был, оттого, увидев родное лицо, замолчал и, улыбаясь, протянул к отцу свои маленькие ручонки.

И вот сейчас Зина наблюдала милую картину: Мотя с незнакомой Зине девушкой слушали занимательную историю мужчины лет пятидесяти. На голове Матильды был взрыв на макаронной фабрике, рукав кофты болтался, а лицо незнакомой девушки украшал красочный синяк под глазом.

– Зина, – всплеснула руками Матильда и попыталась обнять подругу через прутья, но у нее это не получилось, и она просто раздвинула руки в знак объятия, – Александр у полицейских, эти дуболомы не верят, что Сашка мой сын.

– Не переживай, ребенок уже признал отца, скоро, возможно, признает и мать, и тогда у полицейских наконец исчезнут последние вопросы. Но чтобы воссоединение семьи произошло, советую привести себя в порядок, а то такое чувство, что тебя собаки драли.

– Нет, – засмеялась Мотя, – это я Вику била, а она так, отбивалась совсем немного, она рыба по гороскопу, мухи не обидит – добродушно сказала Матильда, показывая в сторону мелкой девицы, та, в потрепанном из-за драки наряде сейчас была похожа на бомжа.

– За что ты так бедную девушку, могу полюбопытствовать? – спросила Зина, – Ответ «за дело» не принимается.

Но вместо Моти, которая отвлекалась от разговора, заглядывая через плечо Зины и стараясь увидеть собственное дитя, ответила сама виновница вопроса:

– Действительно за дело, я ребенка похитила, – очень спокойно сказала девушка, поправив свою вздыбленную прическу, – но поверьте, я не знала, что похищаю. Понимаете, – решила обстоятельно рассказать историю странного знакомства девушка, – я была в наушни-

ках, смотрю, коляска с ребенком и никого. Я покричала, эй, есть кто, чей ребенок, но мне никто не ответил, вот я и решила отвезти коляску с малышом в полицию. Но на самом деле я просто в наушниках не услышала, как мне кричала с дерева Матильда, что это ее ребенок. Так что я сама во всем виновата.

– А что у нас горе-мамаша делала на дереве? – спросила Зина, наблюдая, как Алексей с Сашкой подошли к решетке и стараются обнять свою жену и маму и как плачет Матильда, в очередной раз, на памяти Зинаиды миллионный, прося прощения. Только если раньше это были извинения и раскаянья лишь перед мужем, то сейчас к этому процессу присоединился и Александр.

– Так она котенка спасала, он забрался на ветку и плакал там, вот Мотя и полезла, – девушка тоже любовалась воссоединением семьи, возможно, даже с большим трепетом, чем Зина, – а тут я с порывом спасти брошенного ребенка. Нет, я без претензий, я бы тоже так поступила на ее месте, – здраво рассудила девушка, явно сейчас представляя себя на месте Моти. – Меня больше злят полицейские, которые не разобрались и нас обеих сюда посадили. Матильда так переживала, хорошо еще Тихомир Федорович развлекал нас занимательными историями, – девушка указала в сторону мужчины, и тот встал и очень интеллигентно наклонил голову в знак приветствия, – хоть немного отвлек нашу Мотю, а то не знаю, у нее, наверное, удар бы случился. Зина отметила, что для девушки Матильда уже наша, и в который раз поразились, какой все-таки стопроцентный эмпат ее подруга.

– У меня в рюкзаке, конечно, есть валокордин, но рюкзак-то забрали, – продолжала рассуждать по-деловому девушка.

Она была молодой, но разговаривала как старушка, и это несоответствие сильно бросалось в глаза.

– У меня дежавю, – вдруг сказала Зина, вспомнив, как год назад именно с вызволения из КПЗ Матильды началось их дело.

Тогда Мотя, сама того не желая, нашла им нового члена группы – вора, которого настойчиво требовала заумная программа, придуманная дедом.

– Девушка, а вы случайно не историк, не зоолог или на худой конец эзотерик? – вдруг обратилась Зина к девушке.

– Я зоолог, – удивленно ответила та, – но как вы догадались?

– Не спрашивайте, – отмахнулась Зина – но если вы и вправду зоолог, то я могу предложить вам неплохую подработку, это займет неделю вашей жизни и принесет очень хороший гонорар.

– Я не нуждаюсь в подработке, – обиженно сказала девушка, поправляя свою потрепанную, скорее всего, еще до Мотиного вмешательства одежду.

– Ну это навряд ли, – сама себе тихо сказала Зина, оставив разговор на потом, так сказать, не в это время и не в этом месте, решив поговорить с девицей, когда ситуация с полицией прояснится. Но дядечка, развлекавший историями бедовых девиц, услышал ее слова и, отойдя немного в сторону, подальше от плачущей Моти и обиженной Зининым предложением девушки, пальцем подозвал ее к себе.

– У меня к вам просьба, не обижайте Викторию, – тихо сказал он, указывая кивком головы на девицу, – она ангел, которому просто не дают жить. Не знаю, нужна ли ей подработка, но вот то, что ей необходимо освободиться от опеки мамыши-вампира, это однозначно. Помогите ей, я вижу, вы это сможете сделать.

– Очень интересно, – протянула Зина, внимательнее вглядываясь в мужчину. Он был полным, одет в строгий потрепанный костюм, штаны держались на широких желтых подтяжках. – Насколько я знаю, вы здесь сидите не больше получаса, это когда она успела вам все рассказать про свою жизнь, или вы ее знали до этого? И вообще, интересный вы мой, вы-то что здесь делаете? На хулигана и бомжа вы не похожи, больше на учителя.

– Ну, – засмушался щекастый и даже покраснел, как ребенок, это очень не шло ему и оттого выглядело комично, – зачем тут слова, тут и так видно всё, – как-то неопределенно сказал он и оглянулся на девушку, та по-прежнему сидела, гордо отвернувшись от них и обиженно задрал нос кверху, – а здесь я, потому что защищаю от сноса поместье графа Воронцова. Его решили снести, представляете? – на этих словах он с надеждой посмотрел на Зину, и она решила, что должна среагировать.

– Да что вы говорите, – нарочито возмущенно сказала она мужчине, – и почему они так с графом?

– Потому, – не заметив наигранности в словах Зины, продолжил мужчина, – что они считают, что здание не несет исторической ценности, но я-то знаю, что несет и еще как несет. – В этот момент мужчина словно забыл, что перед ним совершенно незнакомый человек, его глаза загорелись огнем, и он стал говорить шепотом, словно кто-то мог подслушать столь ценную информацию. – Там обитает дух графа, охраняющий сокровища. Если здание снести, то его душа будет вечность скитаться и не найдет себе покоя.

– А если сокровища найти, раз вы уже знаете, что они там, – предложила Зина, – ну гипотетически, охранять ему больше будет нечего, и он успокоится. Так скажем, и волки сыты, и овцы целы. В нашем случае и душа графа не в скитании, и бесполезное здание все же снесут.

Но мужчина не услышал сарказма в голосе Зинаиды и вполне серьезно ответил:

– Сокровища – это понятно, только им время еще не пришло, в этом мире вообще всему свое время, – философски закончил Тихомир Федорович и поджал губы, словно понял, что сболтнул что-то лишнее. – Вы понимаете, никому нет дела до этого, я пытался достучаться до чиновников еще когда не подписали разрешение на снос, но это было бесполезно. Равнодушие – это самый большой минус нашего времени, молодость им просто больна. Вот поэтому и приходится ложиться под экскаватор. Представляете, – с мукой на лице сказал мужчина, теребя свои подтяжки, – мы сейчас с вами стоим тут разговариваем, а они избавились от меня и, скорее всего, спокойно сносят последнее пристанище графа.

– Кто вы? – заулыбалась Зина так, словно только что нашла те самые сокровища.

– Я преподаватель истории в педагогическом институте, – просто представился мужчина и потупил глаза.

– А еще вы эзотерик, – утвердительно и радостно предположила Зина.

– Ну не то, чтобы, – замялся он, – так, немного увлекаюсь, история, она полна мифов и легенд, и нередко трудно отличить правду от вымысла, – вновь покраснел полный мужчина и поправил свои подтяжки.

– Матильда, ты феномен, который надо изучать, – сказала Зина подруге, понимая, что они опять с ее помощью, скорее всего, вышли на нужных им дилетантов.

Почему-то именно в этот момент Зинаиде захотелось обернуться, словно почувствовав взгляд кукловода, который вернулся в ее жизнь и опять руководит процессом.

Глава 4

Время было уже за полночь, но всё агентство «Дилетант» в полном составе до сих пор в «избе» собирало команду на новую миссию. Было видно, что недовольны и обескуражены все, и Зина, которая то и дело громко вздыхала, и Эндрю, по дурной привычке взлохмачивавший себе волосы, и даже Алексей, не поехавший сегодня домой, а оставшийся с друзьями и коллегами за сборами, сейчас сильно хмурил брови.

Не клеилось все и с самого начала. Первое и основное – это то, что они не смогли до сих пор найти нужного дилетанта – зоолога. Странная девушка в перчатках отказалась, даже толком не выслушав их предложение. Были, конечно, и хорошие новости, историка и эзотерика в одном лице программа утвердила, и Тихомир Федорович Дудка, мужчина небогатый, согласился практически сразу, разве что, позвонил обожаемой супруге и спросил разрешения на командировку. Та, видимо уже привыкнув, что ее муж ездит по стране и спасает исторические памятники, тут же согласилась, а узнав, что за это еще и полагается вознаграждение, даже благословила мужа, напомнив ему, что через месяц свадьба у дочери и деньги, которые он добудет семье, будут очень кстати.

Поэтому Тихомир Федорович ушел из «избы» довольный и обещал завтра утром быть как штык. А вот с зоологом дело обстояло непросто. Ту девчонку даже не проверяла программа, потому как она и слышать ни о чем не хотела. Как только все разъяснилось в полицейском участке, Вика очень быстро исчезла из поля зрения, даже не сказав до свидания своим случайным знакомым. Подошла бы она или нет, тоже было неизвестно, но вот все остальные кандидаты, которые были доступны Эндрю были начисто отвергнуты программой. Поэтому он рыскал по интернету в надежде все же найти подходящую кандидатуру.

В аппаратной было тихо, каждый занимался своим делом. Эндрю рыскал в сети, чтобы найти подходящую кандидатуру, Алексей составлял справку о деле и продумывал легенды для дилетантов. Зинка же никак не могла сосредоточиться, мысли прыгали и не давали понять что-то главное, что постоянно ускользало от нее. А стучащий вопрос в голове, неужели это и правда ее мать, доводил до полного невроза. Поэтому она взяла в руки гитару и запела. Это всегда помогало ей прийти в себя, гитара была ее собственный дзен, который никогда не подводил.

– Белая полоса, черная,
Жизнь как тельняшка у моряка.
И пусть я стерва уже ученая,
Не знаю дорогу наверняка.

Белая полоса, черная,
Играет наш повелитель фантомный.
И воскресенье не скоро прощенное,
А список уже у меня огромный.

Белая полоса, черная,
Не поперек, попробую вдоль.
Но полосы, как назло, все волнами,
В этом, видимо, соль.

Опять сомнение чувствую в голосе
И вижу действительность без прикрас.
А может, каким у нас цветом полосы,

Все же зависит от нас?

– А убийства и правда смахивают на ритуальные, – сделал свой вывод Алексей, изучив какие-то бумаги, и когда Зина закончила петь, протянул их ей.

– Давай разбираться, вообще, по статистике девяносто процентов ритуальных убийств всего лишь инсценировка для отвлечения внимания от настоящего мотива убийства, – было видно, что ей стало легче и она готова работать.

– Обратилась к нам, – Алексей начал с самого начала, как они всегда делали при разборе дела, – красавица женщина, Малохина Дарья Дмитриевна, тридцать лет. Доктор наук, председатель некоей организации в рамках экологического сообщества России, а сейчас руководитель научной экспедиции к берегам Байкала для изучения изменений климата, состава воды и почвы, для своевременного спасения нашего общего достояния.

– Вот любуйтесь, – включился в процесс Эндрю и показал на экран монитора. Сейчас на них смотрела настоящая красавица, натуральные пшеничные волосы, огромные миндалевидные глаза и очень правильные черты лица. Казалось, что это диктор телевидения или актриса ведущего театра Москвы. Конечно, образу помогал очень правильный макияж, идеальная укладка волос и красивые аксессуары в виде огромных сережек и ожерелья с одинаковыми камнями. Белая, бархатная кожа кричала о том, что за ней ведется постоянный и тщательный уход, а губы с ярко-красной помадой делали образ и вовсе каким-то неестественным, словно заведомо предполагая, что эта женщина не предназначена для работы, а лишь для удовольствий.

– А ты уверен, что это та, про которую нам сейчас читал Алексей? – спросила Зина у Эндрю. – Уж очень образ не совпадает с наполнением.

– Никаких ошибок, – продолжил Алексей, дальше излагая подготовленную информацию, – это именно она, в околонуучных кругах ее называют Снежной королевой, женщина она хоть и красивая, но чрезмерно дисциплинированная и умная, чего требует, соответственно, и от своих подчиненных. Правда, поговаривают, что всего этого она достигла из-за папеньки-профессора, но мне кажется, наговаривают.

– Ну знаешь, – усмехнулась Зина, – если учесть внешность нашего доктора наук, то будь я на месте ее коллег, первая бы участвовала в этих наговорах. Ну не может одному человеку достаться и красота, и ум в таком количестве. А уж если всё же наградила Господь, то терпи зависть.

– В любом случае работать с самой Малохиной почетно, но практически невозможно.

– Кто это говорит? – спросила Зина.

– На форуме одном прочитал, где тусуются ребята экологи, – сказал Алексей, – тут же, кстати, обсуждали ее недавний провал. Дарья Дмитриевна попыталась получить грант на исследование, но проиграла.

– Ну и что хочет от нас Снежная королева? – спросила Зина, начав делать пометки в своем блокноте.

– Дело вот в чем, ребята работают, никого не трогают, как вдруг на острове случается убийство, в очень плотной близости от быстровозводимой деревни экологов. Там на Ольхоне просто так в северную часть, что считается заповедником, не попасть. В Хужире нужно получить платный пропуск. Конечно, пост, где проверяют документы, можно обойти, но на территории производится постоянный объезд, и, если поймают без пропуска, штраф в десять раз больше, чем билет. А так как территория в принципе не такая большая, то не попасться практически невозможно. Об этом знают все, и самостоятельные туристы, и те, что идут с гидом, поэтому берем за точку отсчета, что там, где произошло убийство, неизвестных людей скорее всего не было.

– Что мы знаем про место происшествя? – спросила Зина.

– Ну начнем с общей информации: Хужир – это столица Ольхона, дальше идут только свои, то есть местные, либо зарегистрированные туристы. За небольшой деревенькой Харанцы есть Урочище Песчаное, длинное побережье с дюнами из движущегося песка и эффектными ходульными деревьями, оголившими свои корни. Вот именно там пять дней назад нашли первую жертву, это был молодой шаман, только недавно начавший работать на Ольхоне с туристами. Шаман висел на одном из корней столетнего дерева в петле, был одет в национальную одежду, на лице была маска, а бубен разрезан пополам и по частям вставлен в обе руки. Со стороны казалось, что человек его попросту разорвал.

– Откуда подробности? – поинтересовалась Зина.

– Все от той же заявительницы, – сказал Эндрю, – первую жертву нашла именно она, это очень близко к деревне ученых.

– Так может, это месть своих же? – предположила Зина.

– Понимаешь, повесили его на священном для всех в этих краях дереве, на одном из старейших ходульных деревьев. Священная лиственница, которая словно бы стоит на своих корнях, оголяя их над землей. Ни один бы местный так не поступил, это все равно что осквернить память духов.

– Второе, – спросила Зина.

– Второе тело нашли через три дня, то есть вчера, на противоположной стороне Ольхона, со стороны большого моря, – продолжил Алексей.

– Какого моря? – поразился Эндрю.

– Ну на Байкале все местные жители называют его только морем и никогда озером, это тоже считается неуважением к одушевленному, как им кажется, Байкалу. Поэтому восточное побережье Ольхона выходит к большому морю, там, где Байкала наиболее широк, а западная часть к малому, там, где виден западный берег Байкала. Так вот, на восточном побережье Ольхона есть гора Жима, она тоже сакральный объект местного шаманизма, да там, мне кажется, куда ни посмотри, все святыни. На горе нашли местную жительницу, двадцати пяти лет. Лежала она над самым обрывом, а ее заплетенные в круг косы были спущены со скалы. Причем поговаривают, что косы она так сроду не плела, и как убита была, наша заявительница Дарья Дмитриевна тоже не знает, потому что хоть и прибежала она туда, как и все местные жители, узнав о трагедии, но видимых повреждений не увидела. В толпе же местные шептались о духах и жертвоприношении, – закончил свой рассказ Алексей.

– Информации из СМИ практически нет, – обескуражено сказал Эндрю, – что очень странно, убийства ведь кричащие, но, видимо, решили замолчать. Хотя надо признать, сделать это в современном мире очень трудно, у каждого есть телефон и возможность прославиться страшными снимками в интернете, но здесь глухо, как в танке. Как-то даже не верится, что на Ольхоне не нашлось ни одного выскочки.

– Я так понимаю, полиция работает, зачем нашей наиумнейшей красавице тратиться на нас? – Зина задала закономерный вопрос, который напрашивался сам собой.

– А вот это очень хороший вопрос, – сказал Алексей и так улыбнулся, что стало понятно – ответ на этот хороший вопрос у него припасен на сладкое.

– Ладно, не томи, – произнесла Зина, вздохнув, у нее не было настроения играть в доброго начальника, восхищающегося своими подчиненными.

– Эту полугодовую экспедицию, которая длится уже месяц, спонсирует, а по моему предположению, очень хорошо спонсирует наш самый молодой российский олигарх Даниил Васильевич Бровик.

– Ого, – засмеялся Эндрю, – видимо, достаточно загрязнив своими заводами экологию нашей родины, он решил ее восстанавливать.

– Возможно, хотя заводы – это не основной его вид деятельности, – согласился Алексей, – но я не верю в меценатство нашего олигархата, обычно если покопаться, то там можно найти настоящие причины.

– Да бог с ними, – перебила их рассуждения Зина, – дал денег на благое дело и ладно. Главное, я, кажется, понимаю теперь причину, почему наша мисс гениальность так хочет помочь следствию и прекратить эти убийства.

– Почему? – удивился Эндрю.

– Потому что наши олигархи не любят шумихи, – ответил за Зину Алексей, – тем более такого плана.

– Точно, – согласилась Зина, – его имя должно быть в новостях рядом с хорошими, а никак не с плохими событиями, и Снежная королева попросту боится потерять спонсора.

Именно в этот момент в «избе» раздался звонок в дверь. Друзья переглянулись, спрашивая друг друга, к кому пришел посетитель, и поняв, что гость неожиданный, все напряглись. В «избу» просто так не приходили, исключительно по специальному приглашению либо свои. Приглашенных в ближайшее время не предвиделось, а свои сейчас все здесь, не считая Моти, которая была доставлена с Сашкой домой, и скорее всего, эти двое, натерпевшись за сегодняшний день страданий, уже видят десятый сон.

– Добрый вечер, – сказала вошедшая девушка и опустила голову, уткнув взгляд в пол. Огромные локоны волос тут же скрыли выражение лица посетительницы.

Эндрю, который открывал госте дверь, сейчас стоял позади и разводил руками в стороны, показывая тем самым, что он ничего не понял.

– Здравствуйте, Вика, – поприветствовала вошедшую девушку Зина, у нее была прекрасная, можно сказать, феноменальная память, и потому она без труда вспомнила имя сегодняшней случайной знакомой.

– Я согласна на подработку, – просто произнесла девушка, не поднимая глаз и по-прежнему глядя в пол.

– Ну это уже полдела, – махнула головой Зина, – сейчас, если вас одобрит программа, мы объясним вам, в чем суть дела. Скажите, пожалуйста, а как вы нас нашли? – поинтересовалась Зинаида. – Насколько я помню, мы не оставляли вам никаких координат.

– Когда мы уходили из полиции, Тихомир Федорович насильно вручил мне клочок бумаги, где был записан его телефон, сказал, пригодится. Я позвонила ему и спросила про вас, что вы предлагаете, и когда узнала, что ничего криминального, попросила ваши координаты, он сказал, вы еще здесь и можно прийти, несмотря на позднее время.

– Почему вы передумали, мне кажется, спрашивать не стоит, а об остальном говорить рано, – попытожила их разговор Зина. – Эндрю, проходите в гостиную с Викторией, и пусть программа обработает ее психотип.

Алексей и Зина, встав у тайного стекла в аппаратной, следили за девушкой и Эндрю, было что-то в этом неправильное, словно кто-то толкал эту девчонку в их расследование. Зине опять захотелось оглянуться. Такого чувства не было уже год. Последний раз она его испытывала, когда они расследовали групповое убийство в Калининградской области. Но только они закончили, чувство, что твоими действиями управляют, прошло и не возникало ни разу до сегодняшнего дня.

– Девочка симпатичная, – начал Алексей, – только словно не знает этого. Такие шикарные черные кудри, явно натуральные, но пострижены так топорно, словно это делал неумеха, дома на табуретке, оттого и торчат в разные стороны.

– Согласна, – махнула головой Зина, – и глаза красивые, если абстрагироваться от синяка, который ей сегодня поставила твоя жена, то они большие и черные, как пуговицы, правда совершенно без косметики. Если бы ее лицу добавить немного макияжа, то оно бы заиграло и стало даже очень привлекательно.

– И эти перчатки, – продолжал Алексей, – хотя я думаю, они не просто так.

– Вот понаблюдай за ней, – сказала Зина, – девушка как бы неосознанно постоянно прячет руки то под стол, то в карман, там что-то не то.

– Согласен, – сказал Алексей. В этот момент Эндрю, который знал, что коллеги сейчас наблюдают за ними, незаметно для их гости, утвердительно махнул головой.

– Ну что ж, Зина, – по-деловому сказал Алексей, понимая, что они нашли последнего дилетанта в группу, – давай распределять роли. Наш зоолог и Эндрю пойдут к ученым как пополнившие их ряды специалисты. Вике подберу должность, связавшись с красавицей-руководительницей, Эндрю предположительно посоветую, как спеца по компьютерам, мол, приехал установить новую программу для исследований. Далее, ты и Тихомир Федорович полетите в туристической группе. Сейчас на Байкале не сезон. Не протолкнуться там обычно зимой, как только встает лед и можно полюбоваться красотой замерзшего Байкала, а главное, его пещер. В некоторые можно попасть исключительно только по льду. На Байкале их в принципе много, но больше всего таких ледяных пещер на Ольхоне. Я был там однажды зимой, ты даже представить не можешь, какая там красота. Там такие эффектные природные инсталляции, что мультфильм «Холодное сердце» с его снежными замками кажется так, просто рисунком. Ну и конечно, много туристов летом, когда вода озера, простите моря, прогревается и, например, на песчаных пляжах Ольхона можно даже позагорать, ну а пешие прогулки по мысам и утесам становятся комфортными. Сейчас же туристов крайне мало, даже переправа только открылась, да и то ходит всего один паром «Дорожник», остальные начнут курсировать только в начале июня, когда и стартует настоящий туристический сезон.

– Может, это и хорошо, – сказала Зина, записывая в свой блокнот всю информацию, – она была приучена дедом доверять ручке и бумаге. «У нас, – говорил он ей, – есть разные виды памяти. Так вот чтоб запомнить информацию надолго, воспользуйся сразу несколькими: зрительной, слуховой и осязательной, тогда информация не пропадет, а всплывет в нужный тебе момент. Если же воспользоваться только одной, есть шанс упустить важное». Поэтому Зина всегда писала ручкой, потом рисовала схемы и проговаривала их вслух, создавая свою модель. От этого данные условного уравнения, которое ей предстояло решить, всегда были словно под рукой.

– Согласен, тем более что после начала переправы заехала только одна группа организованных туристов. Причем нам очень повезло, группы в нужную нам гостиницу набирают не более пяти человек, и делает это старик, живущий недалеко от всех наших событий, называющий себя потомственным шаманом. Вы поедете во втором заезде, первая группа заехала неделю назад и покинет остров с вашим приездом. Я почитал, в рекламе пишется, что жить вы будете в доме бывшего главного шамана острова, он будет рассказывать вам об интересных местах, а его помощник кормить вкусными бурятскими блюдами и сопровождать по острову ко всем достопримечательностям. Длиться такой тур будет неделю, нам достаточно, и стоит довольно дорого.

– Развод, – ухмыльнулась Зина, – хотя нам всё равно, лишь бы быть поблизости к местам убийств.

– Ты знаешь, я списался с авторами отзывов под этим туром, как ни удивительно, но все только положительные, и люди пишут, что и правда это очень круто и стоило того. В сезон на этот тур невозможно записаться, потому что он проводится лишь раз в неделю и не берет больше пяти-шести человек. В этот раз вас будет в группе пять, вместе с тобой и Тихомиром Федоровичем. Кстати, программа требует, чтобы вы летели как незнакомые люди, так что в пару мы вас определять не будем, – пошутил Алексей.

– Ну и на этом спасибо, – усмехнулась Зина, представив себя с пятидесятилетним историком с широкими желтыми подтяжками как пару.

ШАМАН

– Да, – тихо протянул Ванжур, посмотрев любительские фотографии Алтана с места происшествия и выслушав его версию, – зря мы, наверное, с тобой туристов собрали, надо было подождать немного, я виноват, занят был своими бедами.

– Не говори глупости, – бодро сказал Алтан, помощник и единственный друг. Он очень громко со свистом отпивал из кружки горячий чай с молоком, и по его лицу казалось, ничего вкуснее в мире нет.

Время было уже давно за полночь, мальчишка, наевшись до отвала и помывшись в бане, спал крепким сном. Алтан уложил его в комнате, которая раньше принадлежала его матери. В это же время на большой кухне с печкой и огромным деревянным столом шло небольшое собрание, скорее похожее на разбор полетов.

– Не глупости это, – продолжал вздыхать Ванжур, – другие туристы все живут в гостиницах в Хужире или Харанцах, да и мало их сейчас еще. Наши же живут здесь, ты бы глаз с них не спускал.

– Так это и понятно, – усмехнулся Алтан, – давеча пока я тебя встречал, им пикник устроил с мангалом и баней, так они до сих пор там, на заднем дворе поют. Гитару у меня попросили и поют. Тут такое дело, – замялся Алтан, – они продлили себе отпуск, говорят, еще на следующий заезд остаться хотят.

– Знают про убийства и хотят остаться? – нахмурившись, спросил Ванжур.

– Так глупые люди, что поделат, – снисходительно сказал Алтан, – знаешь, мне кажется, что они это все как приключение принимают. Вот приходил к ним полицейский, спрашивал, кто что видел, а они такие довольные, рты до ушей, отвечают, хохочут. Одно слово, городские.

– Так завтра новая группа прилетает, – посмотрел в записи Алтана Ванжур, – не дело это.

– Так я про то и говорю, из новой группы трое отказались, прилетят только двое. Так что пусть эти еще остаются, нам деньги нужны с тобой, нам мальчонку вон поднимать теперь надо. Кстати, ты заметил странность, в баню один пошел, не дал мне ему и спинку потереть, а после я хотел зайти проверить, все ли нормально, так он закрылся. Табуретку подвинул и припер ею дверь.

– Не привык он к нам, – сказал Ванжур грустно, – по-другому жил в Швеции с родителями, к другим правилам приспособлен. Ты сильно не лезь, не хочет, пусть делает как знает. Он по-русски понимает, внучка его научила, и говорить скоро снова начнет. Попрошу духов с него страх снять, и заговорит. Но сейчас нам надо вести себя с ним очень аккуратно, нежно, у него душа разорвана в клочья и каждое прикосновение к ней болезненно, даже если мы будем делать что-то от большой любви. Это все равно что гладить по свежей ране, это не успокаивает, а делает еще больше. Сначала надо дать ранам затянуться, перестать кровоточить, а уж потом согревать своей любовью.

– Да я что, – пожал плечами Алтан, наливая себе очередную чашку чая, четвертую уже за вечер, – только жалко его, согреть хочется. Совсем на Светлану не похож, но бравенький паря, – сказал он и на его маленьких глазах выступили слезы, – я помню ее в таком возрасте, веселая, умная, красивая, когда я к школе подвозил, дети сразу обступали ее со всех сторон. Почему ты не остановил ее, ты ведь знал, по сыну своему Николаю знал, что шаманская болезнь не даст жить обычной жизнью.

– Я надеялся, она девочка, да и не было у нее никаких знаков, – сказал Ванжур, словно в сотый раз оправдываясь, и, подняв прядь своих длинных волос, показал свой знак: у него не было уха. – Ты же знаешь, у каждого шамана должен быть свой знак, что-то неправильное в теле, не так как у обычных людей. У нее ничего не было, ничего. Я решил, что мой сын, ее отец, за все рассчитался. Что в ней кровь матери и нет шаманского наследия, – в его голосе

было столько горя и отчаянья, что казалось, они заполнили эту комнату целиком и скоро здесь будет нечем дышать. – Она была так счастлива, – тяжело закончил бывший главный шаман, – ведь у моего брата получилось, у него не было знаков, и он уехал в Москву и прожил долгую жизнь. Я надеялся, что и у Светочки получится.

– У парнишки тоже нет знаков, – сказал Алтан, но глядя, как больно сейчас другу, не стал продолжать. – Что с убийствами будем делать? – решил он перевести тему.

– А ничего не будем, – сказал Ванжур. – Балта прав, я уже никто, так, экскурсовод по Ольхону. Будем моего правнука растить и туристов встречать, пока у нас это получается. Главный шаман на острове сам разберется.

– Уверен? – спросил Алтан огорченно.

– Нет, – честно ответил Ванжур и поджал губы, он всегда делал так, когда злился.

– Шаманы шепчутся, что кто-то решил найти золотого орла китайской колдуньи, ведь первые два убийства на точках, – как бы между делом сказал Алтан и вновь прихлебнул чай. Ветер на улице стучался в стекла и, казалось, старался разорвать крепкий дом.

– Шалит Баргузин, – словно не заметив слов друга, сказал Ванжур, – в этом году как никогда, – и помолчав немного, тихо добавил: – Этого не может быть, но если шаманы правы, то будут еще два убийства, – в голове же засела устойчивая мысль – завтра обязательно надо съездить на гору Шаманку, проверить тайник.

После этих слов за черным окном завыл ветер, протяжно и страшно, словно раненый зверь, и двое мужчин, что сидели за столом под старым абажуром, по-детски испуганно вздрогнули. Потому как они знали, что так завывать могут только духи, которые пытаются предупредить о чем-то глупых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.